

Гульчера БЫКОВА

профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

ДРУГ ХУДОЖНИКА ТИХОМИРОВА

Рабочий день в вузе – это бесконечная череда лекций, семинаров, практических занятий, консультаций, различных мероприятий, а ещё отчёты, планы, заседания, студенты или коллеги со своими проблемами... Одним словом, суета сует и всё суета. И только ближе к концу дня наступает желанное затишье. Шум и движение в коридорах постепенно стихают. Можно, наконец, сосредоточиться и спокойно поработать на компьютере – статью закончить, монографию или учебное пособие продолжить. Самые отрадные и плодотворные часы, которыми дорожишь. Сажу и спокойно работаю в тишине. Так хорошо. Вдруг слышу – едва скрипнула дверь. Поворачиваюсь, а на пороге – человек ну просто огромного роста, внушительной комплекции в мохнатой шапке-ушанке, в пуховике и унтах мехом наружу. Этаким лесной великан. От неожиданности вздрогнула. Не ожидала в столь позднее время увидеть постороннего человека в кабинете. На вахте охрана... Не понятно, как он прошёл?

– Вам кого?

– Знаете, мне бы учительницу... – говорит незнакомец и переминается с ноги на ногу.

– Ну, скажем, я учительница. А вам зачем?

– Понимаете, я друг художника Тихомирова... Знаете такого?

– Кто ж художника Тихомирова не знает? – отвечаю.

– Я тоже художник. Из Белогорска. Моя фамилия Журавлёв. Художник Журавлёв. Ну так вот. Мы с Тихомировым совместную выставку картин в кинотеатре «Благовещенск» готовим. Не слышали?

– Да нет, не знаю.

– Замечательная будет выставка, приходите, – оживляется незнакомец. – Ну так вот, едем с женой по улице Ленина. К Тихомирову. С ночёвкой. Мы давно семьями дружим. И попадаем в ДТП, в аварию, значит. Вроде всё обошлось. Двигатель, правда, заклинило и жене плохо. Пришлось её в больницу везти. И вот теперь надо в Белогорск телеграмму дать, чтобы приехали машину отбуксировать, а у меня деньги кончились: такси нанимал, жене немного на расходы оставил, а то ведь у неё ни мыла, ни щётки с собой. Да мало ли что в больнице понадобится. Вы бы не могли мне одолжить немного?

– Ну сколько немного?

– Да рублей двадцать...

– Двадцать? Телеграмма наверняка дороже стоит, – говорю я в недоумении.

– Ну, дайте немного больше, – охотно соглашается незнакомец. – Приедут за мной из Белогорска и денег привезут. Я вам сразу же принесу. Честное слово! Вот попал в такое отчаянное положение, – говорит он в неподдельном расстройстве и разводит руками.

– С кем не случается? Бывает, – успокаиваю я пострадавшего, достаю кошелек и вытаскиваю 500 рублей. Хватит?

– Конечно, конечно. Премного благодарен. А картину художника Тихомирова не желаете приобрести?

– Кто ж не хочет, – говорю. – Да они, верно, дорогие? Говорят раньше, когда он был не так известен, можно было недорого купить, а сейчас...

– Знаете, я уговорю его, он вам подешевле продаст. Вы так меня выручили. Я вам тоже помогу. Не сомневайтесь.

Он поворачивается и уходит. И только теперь мне становится не по себе. Взглянула на часы: около восьми вечера. Поздновато. В коридорах ни души, мёртвая тишина. Вскликаю и закрываю двери на ключ. Постепенно прихожу в себя. Быстро одеваюсь и выхожу в пустынный коридор.

На вахте спрашиваю:

– Как посторонний человек прошёл в здание? И описываю экзотическую наружность незнакомца.

– Да я на четвёртом этаже аудитории проверял, – оправдывается охранник, – а дежурная, видно, отвлеклась.

И не вспомнила бы об этом необычном визите, не появившись этот человек вновь несколькими днями позже. Только что закончилась лекция для заочников. Мы со студентом-военнослужащим зашли в кабинет. Я ищу на компьютере материал, который обещала. Вдруг открывается дверь и входит тот самый великан в шапке, в пуховике и унтах. Я обрадовалась – не обманул, принёс деньги, а я уж сомневаться начала. Разве можно так людям не верить? Даже стыдно за себя стало.

– Ну что, отбуксировали машину? – спрашиваю, – а жена как? Выписали?

Незнакомец мнётся, разводит руками:

– Жена пока в больнице. А за мной никто не приехал. Может, телеграмма не дошла? Сам теперь поеду в Белогорск. Так, наверно, надёжнее будет... Вы не могли бы мне ещё немного денег одолжить на билет?

Я снова достаю кошелек. Теперь верю ему ещё больше: считай, знакомый. Но в кошельке тысяча одной купюрой.

– Вы подождите немного в коридоре. Мы сейчас закончим. Я схожу в буфет и разменяю. Я бы все отдала, но тогда мне на такси не останется. Подождёте?

– Хорошо, – отвечает посетитель, мельком взглянув на военнотружущего, и выходит за дверь.

Я продолжаю поиск нужного файла.

– А кто это? – недоумённо спрашивает меня заочник.

– Да сама не знаю, – отвечаю, не отрываясь от компьютера, – говорит, что художник из Белогорска, друг Тихомирова, того, что оконписью занимается. Выставку картин они готовят.

– Если не знаете, тогда зачем деньги первому встречному даёте?

– Ну так в беду же человек попал. Как не помочь?

– Друг художника Тихомирова говорите? – не успокаивается заочник. – Сейчас проверим. У меня жена в отделе культуры работает. Минуточку... Он набирает номер мобильного:

– Лена, это я. У тебя есть номер телефона Тихомирова? Да, художника. Ну надо. Потом объясню. Хорошо, узнай и перезвони.

– Слушайте, – вмешиваюсь я. – Неудобно как-то человеку не доверять... Известного художника беспокоить...

– Ничего. Я извинюсь. Алло, это художник Тихомиров? Извините, вас беспокоит следователь гарнизонной прокуратуры. Скажите, у вас есть друг – художник Журавлёв из Белогорска? Нет? Точно? А выставка картин в ближайшее время готовится? Никакой выставки? Понятно. Я так и знал. Спасибо. Извините ещё раз.

Следователь быстро поднимется и открывает дверь. В коридоре никого. Великана моего ветром сдуло.

– Я так и знал. Это был проходимец, мошенник. Он вас обвёл вокруг пальца один раз, теперь пришёл ещё поживиться.

– Да вы что? Не может быть. Его там нет? Может, придёт ещё? – говорю с надеждой, боясь поверить, что такой огромный сильный человек, ну прямо великан – и... мелкий жулик.

– Не надейтесь. Больше не придёт. Он как на меня посмотрел, так сразу понял, что ноги уносить надо. Разве так можно доверять первому встречному? Впрочем, – говорит следователь, видимо, желая меня успокоить, – я где-то читал, что доверчивость – признак сильной личности.

– Сильной своим глупым состраданием, – уточняю я и смеюсь над собой. Давно известно миру, простота – хуже воровства. А впрочем, рука дающего не скудеет...

Однако с тех пор вечером всегда закрываю дверь кабинета на ключ.

НИКОЛАЙ УГОДНИК ПОМОГ!

Лет двадцать тому назад пришлось ехать в большой сибирский город. На разведку, так сказать: хотели, чтобы младший сын поступил в тамошнюю медицинскую академию на стоматологическое отделение. Ещё в самолёте знающие люди предупредили: город нынче криминальный. Вечерами на улице лучше не появляться. Молодые люди в чёрных кожаных куртках и джинсах пошаливают, а точнее разбоем промышляют. Рубашки на них тоже чёрные. Никакого ладу с ними! Менты их сами боятся. И уже в аэропорту показали – вон они стоят, и вот на выходе. Одежда – опознавательный код.

Сходила в медицинскую академию. Познакомилась с условиями приёма. Непростые, однако. Сижу, задумалась, приуныла. Декан, узнав, что сын заканчивает медколледж, посоветовал:

– А вы поезжайте в Камень-Уральский. Это городок недалеко отсюда. Автобусом можно добраться. Там тоже медицинский колледж, с которым у нас договор заключён. Их выпускников-протезистов принимаем на льготных условиях. Правда, учебное заведение платное. Переведите туда своего сына, заплатите за семестр, пусть доучивается на новом месте, сдаст экзамены, зато гарантий поступить будет больше.

Это же выход, просто удача! Обрадовалась и отправилась на автовокзал. Оказалось, что автобус в нуж-

ный мне город идёт рано утром, а потом только после обеда, так что директора колледжа можно не застать, да и вечером по темноте придётся возвращаться. Страшно. Взяла билет на утренний автобус. В гостинице дежурную попросила разбудить в пять утра. Пока соберусь, пока доберусь до автовокзала... Узнав, что я надумала в Камень ехать, женщина подсказала:

– А вы можете не на автовокзале, а на остановке сесть. Она за углом гостиницы, там автобус тоже останавливается.

И она показала в окно, как добраться до остановки: перейти дорогу, потом повернуть вправо и ещё полквартила. А до автовокзала далеко. Можно не успеть да и заблудиться недолго в чужом городе. Ранним часом и дорогу-то спросить не у кого.

Утром позвонила горничная. Я проворно оделась и вышла пораньше. А на улице – темнота. И ни одного прохожего.

– Утро – не вечер, – тщетно успокаиваю себя.

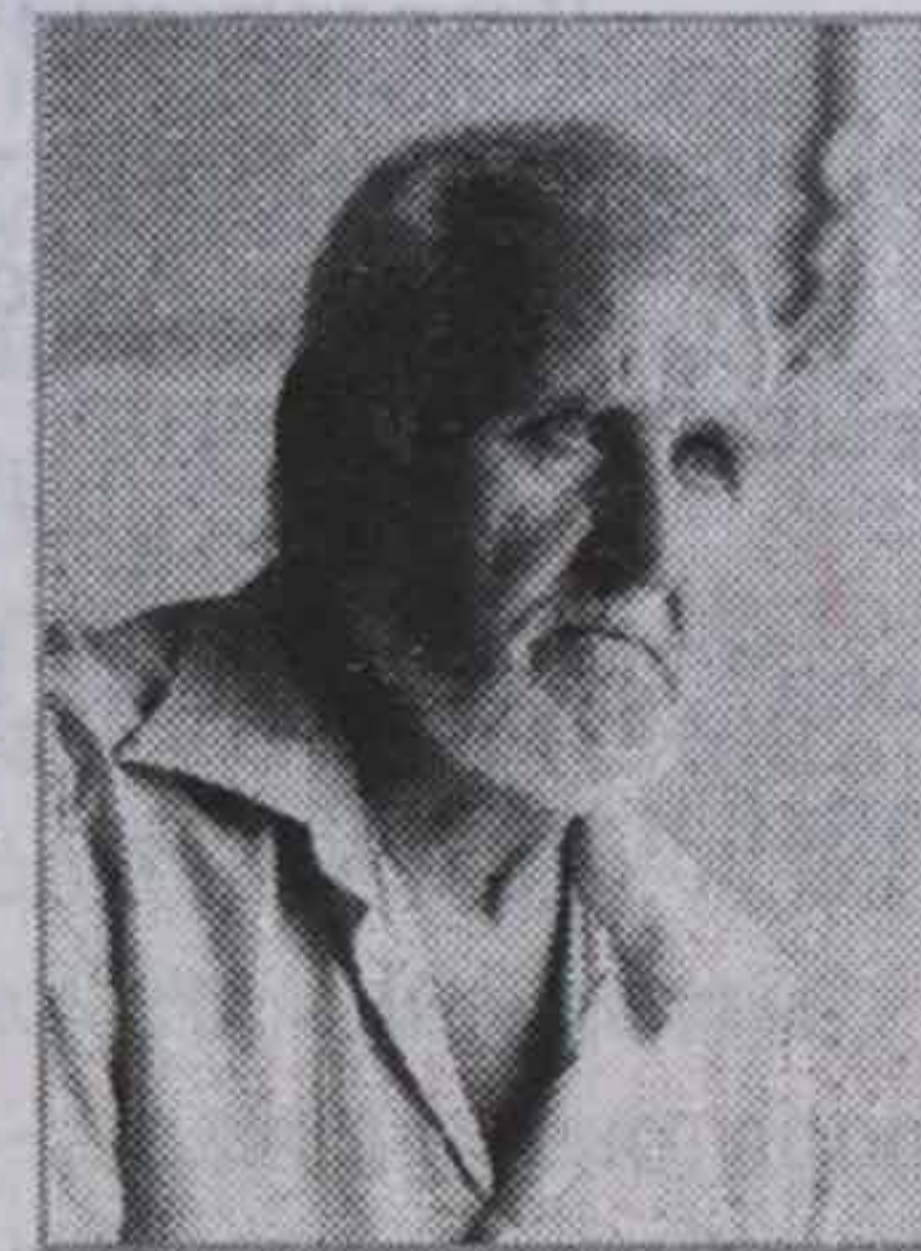
А сама трусиха – каких свет не видывал. Иду, оглядываюсь. Страшно-то как... Остановку нашла быстро. Издалека вижу: несколько человек автобус ждут. Ну, слава Богу! Сразу от души отлегло. Всё не одной стоять. Успокоилась и повеселела. Даже замурлыкала под нос: «Нам не страшен серый волк, серый волк, се-е-ры-ы-й...»

Пригляделась и глазам не поверила: на остановке – парни в чёрных кожаных куртках, в чёрных рубашках и в таких же джинсах. Трое. Потом ещё двое откуда ни возьмись. Стоят и молча смотрят, как я приближаюсь. А у меня в сумке документы, все деньги, какие есть (в гостинице побоялась оставить) и авиабилет на обратную дорогу. «Билет-то зачем взяла»? Ноги от страха подкашиваются. Иду, однако. В горле пересохло, дыхание перехватывает, даже поташнивает. Лихорадочно соображаю: бежать обратно в гостиницу – не успею, догонят. А как же медколледж? Туда всё равно надо ехать... Совсем растерялась, а голова словно пустая. На ум только и пришла детская молитва: «Николай-угодничек, скорый помощничек! Ты и в доме, ты и в поле, ты в пути и в дороге, ты на небесах и на земле. Заступись, угодниче, за меня, грешную рабу твою, и сохрани от всякого зла».

Подхожу и вдруг весело так, каким-то не своим голосом говорю, будто кто мне диктует:

Николай ДЕГТЯРЁВ

член Союза писателей России

В НОВУЮ СЕМЬЮ Повесть в рассказах

Бабье лето. Ещё не весь лес отвернулся от надоевшего зноя, перекрасив свои наряды в разноцветные тона. Солнце уже не пекло, но приятно грело. Тёплый ветерок ласкал лицо и теребил русый, изрядно выцветший на солнце чуб паренька, который бодро шагал по укатанной гравийной дороге, петляющей вдоль невысоких, покрытых разнолесьем, слегка пожелтевших сопок.

Парня звали Степаном, ему шёл пятнадцатый год, но выглядел он на все семнадцать. На нём была яркая рубашка, светлые брюки и лёгкие баретки. Всё это он купил на свои, заработанные на летних каникулах деньги. Вспомнилось, как катал вагонетки на кирпичном заводе. Бригада школьников дружно и весело перевозила сырой кирпич из пресса на стеллажи, расположенные под длинными деревянными навесами. Женщины в брезентовых фартуках, с наглухо завязанными косынками выхватывали с тележки по несколько тяжёлых кирпичей и проворно раскладывали их по стеллажам для просушки. Перед отправкой в печь кирпич должен быть сухим, иначе лопнет при обжиге. Весь день по кругу узкоколейки одна за другой двигались «вагонки», ведомые неутомимыми тру-

– Ой, парни, как хорошо, что вы здесь! Страшно-то как одной! У меня таких, как вы, – три сына. Вот из-за младшего пришлось сюда ехать.

Молодые люди растерялись. Онемели в первый момент, потом кто-то спросил:

– А сколько младшему?

– Двадцать в сентябре будет. Медколледж заканчивает, Среднему двадцать пять, а старшему – двадцать восемь.

Они переглянулись. И тот же парень, видно, главный, а точнее, главарь, сказал:

– Не бойсь, маманя. В обиду не дадим.

– Вот и славно. Спасибо, дорогие мои. С вами мне не страшно.

Мы ещё о чём-то говорили, пока минут через двадцать не подошёл автобус.

И я, сердечно попрощавшись со всеми, благополучно зашла в салон. Верные охранники мои остались на остановке.

жениками, только что окончившими семилетку. Степану вспомнилась взрослая песня, где были слова: «...Я шагаю с работы устало. Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала...», и он запел, бодро шагая по пыльной шоссейке.

– Ты в детдом? – прервал песню путника шофёр, открывая дверцу остановившегося самосвала.

– В Мазановскую школу-интернат, – робко ответил парнишка.

– Какая разница? Ты что, новенький?

– Еду поступать.

– Садись, до поворота довезу. У тебя что, родителей нет?

– Есть, но папа сильно болеет – туберкулёз.

Не прошло и пяти минут, как машина остановилась возле развилки, ведущей в густой низкорослый лес.

– Топай по этой дорожке, здесь рядом. Учись, но главное – будь человеком.

Как с взрослым, крепко пожав руку, попрощался водитель старого, забрызганного грязью самосвала.

Степан двинулся по узкой, предназначенной ско-